

средство от однообразия, скуки, оно способствует развитию учащегося, осознанию себя как члена группы, расширению языковых знаний. Проект – это так же реальная возможность использовать знания, полученные на других предметах, средствами иностранного языка

ЗНАЧЕНИЕ, СМЫСЛ И ИНТЕРЕС КАК ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ, СУЖДЕНИЙ И УМОЗАКЛЮЧЕНИЙ СРЕДСТВАМИ ЯЗЫКА И РЕЧИ

*О Н Прохорова, И В Чекулай
(г Белгород)*

Без преувеличения можно сказать, что оценка является необходимой составной частью жизни человека. Оценки пронизывают жизнь отдельного человека с младенческих лет до самой смерти, они являются своего рода его компасом или, скорее, навигационным комплексом, в плавании по бурному океану окружающей его естественной среды, артефактных предметов и других людей.

Между тем в обыденной жизни люди относительно редко задумываются над реальными основаниями тех или иных оценочных высказываний, которые они произносят в различных обстоятельствах своей жизни. В свое время Г.Гегель иронически замечал, что, если люди достаточно прилежно изучают науки и ремесла, то философии никто не учится потому, что у человека всегда находятся заранее готовые ответы на основные вопросы философии, которые удовлетворяли бы его. В первую очередь это относится к философии оценки и вследствие этого изучению речемыслительных механизмов порождения оценочных высказываний не на научном, а на обыденном уровне. У нас всегда находятся готовые мнения и взгляды на те или иные важные явления окружающей природной и социальной среды, которые прямо или косвенно затрагивают наше «Я».

Именно по этой причине в жизни большинства живущих на Земле людей, к сожалению, нередкими являются катастрофические ситуации. Часто наши взгляды, презумпции, предубеждения, предрассудки, неумеренные или неуместные желания ведут к крушению наших планов, надежд, а в конечном итоге – и к жизненному фиаско. Поэтому важной задачей, стоящей перед учеными, объектом исследования которых непосредственно или опосредованно является человеческая личность, представляется изучение природы, свойств и способов формирования и реализации оценки в мышлении с последующим отражением ее в форме языковых и речевых знаков.

Структурирование оценки как феномена сознания и языка представляет гораздо большую сложность, нежели структурирование концептов, передающих вещи конкретного плана или даже явления описания отношений, таких как приобретение и потеря, начало и конец, причина и следствие и т.п. Это выражается в различных подходах к изучению оценки как системного явления. В то же время системность оценки как явления безотносительно к конкретной ситуации порождения ценностных отношений и формирования на этой основе оценочного высказывания едва ли можно подвергать сомнению.

Современные аксиологические исследования показывают, что оценка как свойство облечения ценностных отношений в материальную форму свойственна практически любому мыслящему индивиду. Это заставляет, в свою очередь, предположить, что особенности отражения ценностных отношений в языке и речи и тем самым возможных способов типологии (а на этом основании – и выработки принципиальных основ категоризации) семантических отношений ценности в различных языках создаются на достаточно общих основаниях. Несомненно, способы выражения значения ценности в специфических языковых картинах миров будут различаться не только в связи со структурными особенностями формирования и функционирования языковых единиц, но и за счет уникальности пути развития отдельных языковых социумов. Однако тот факт, что нас окружает приблизительно одинаковый набор стандартных вещей и существ, и, следовательно, ценностные отношения между субъектом оценочного высказывания и окружающими его данностями внешнего мира, одинаковые параметры перцептивных и соматических ощущений, предполагает поиск общих содержательных оснований формирования языковой оценки в пределах различных языковых картин мира.

Очевидно, что те принципиальные основания, на которых складывается и формируется опыт репрезентации ценностных отношений как структур знаний о предыдущем опыте жизнедеятельности индивида, (иными словами, принципы оценочной категоризации), а на этой основе – и передачи ценностных отношений в форме языковых знаков, также универсальны и присутствуют в языковом сознании носителей разных языков в более или менее общем виде. Но, в любом случае, существует принципиальный момент любого лингвоаксиологического исследования, который невозможно проигнорировать. Это органическая, неразделимая связь оценки и значения как категорий языковой семантики и психосемантики сознания.

Как известно, слово «значение» в любом языке трактуется неоднозначно. Оно может выражать как общую способность предмета или явления действительности отражаться в системе мышления и языка, с которой связано и второе понимание данного концепта в его выражении логиче-

ских имплицативных связей, так и осознание данного предмета или явления как стоящего в фокусе мыслительной деятельности индивида в связи с данной ситуацией. Такие содержательные различия И.М. Кобозева определяет соответственно как семиотическое и несемиотическое значения [1, 303-307].

В недрах когнитивной лингвистики значение получает неоднозначную трактовку в концепции данного понятия разными исследователями. Как представляется, Дж. Лакофф вообще критически относится к термину «значение». Подвергая критическому анализу взгляды представителей «объективистской» [термин самого Лакоффа – И.Ч.] парадигмы на основы получения, обработки и сохранения информации в сознании, он полагает, что в рамках этой логико-философской парадигмы «проводится различие между значением предложения, которое является фиксированным и не зависит от того, каким образом кто-либо его использует, и значением говорящего, которое может быть, например, в случае иронии, противоположным значению предложения» [Лакофф 2004: 228]. Также он отмечает, что в рамках этой парадигмы различаются буквальное и переносное значения. «Буквальное значение – это значение, которое может соотноситься с действительностью, то есть быть объективно истинным или ложным. Переносные выражения не имеют значения, которое могло бы непосредственно соотноситься с миром» [2, 230]. О смысле же Дж. Лакофф не упоминает вообще.

Несколько иную точку зрения имеет другой видный представитель этой исследовательской парадигмы Р.Л. Лапгакер. Он отождествляет языковое значение с концептуализацией, которая имеет достаточно широкую трактовку. Это новые и уже закрепившиеся в сознании знания, опыт в его различных проявлениях (чувственном, моторном и эмоциональном), знание природного, социального и лингвистического контекста и т.д. Что касается смысла, то их совокупность концентрируется в часто используемых лексеме или морфеме, а сами эти смыслы образуют определенную сеть, где узлы пересечения смыслов являются прототипами, а соединения прототипов расширяют или уточняют их [3, 19; 4, 50-51].

В отечественных лингвокогнитивных разработках, где сложилась достаточно долгая история исследования соотношения значения и смысла, в определенной мере разделяется вторая точка зрения. В частности, Е.С. Кубрякова и Ю.Г. Панкрац рассматривают эти термины в следующем отношении: «Значения приравниваются концептуализации, т.е. эксплицируются как когнитивная переработка. Лингвистическая семантика в концепции когнитивной грамматики имеет энциклопедический характер, так как лингвистические выражения значимы не сами по себе, а в силу того, что они обеспечивают доступ к различным структурам знаний, которые и позволяют «обнаруживать» смысл высказывания» [5, 50].

Особо следует отметить следующее понимание термина «значение» в концепции З.Д. Поповой и И.А. Стернина: «Значение слова (семема) представляет собой совокупность семантических компонентов – сем. Вычленяя и описывая семемы, а в их составе – семы, устанавливая системные (парадигматические) отношения между семемами по семам в рамках семантемы (совокупности семем одного слова), лингвист должен понимать, что это еще не сами концепты из концептосферы, это лишь отдельные их составляющие, *репрезентированные* той или иной семемой или семой» [6, 57-58]. Как нетрудно заметить, в данном подходе к значению (при этом речь идет исключительно о лексическом значении, но не о значении синтаксической структуры или текста) сочетается когнитивное понимание концепта как основной оперативной единицы человеческого знания и структурно-функциональное понимание семантической компонентной организации слова как основной значимой единицы языка.

В целом проблема метаконцепта ЗНАЧЕНИЕ получила достаточно детальную разработку в современной лингвосемантике. Чаще всего она рассматривается в связи с разграничением категориального и внутриречевого содержания данного концепта и концепта СМЫСЛ. Но, в то же время, эти концепты имеют и отчетливо выраженное применение к обозначению свойств вещей в отношениях оценочной квалификации. И ЗНАЧЕНИЕ, и СМЫСЛ имеют четко выраженное личностное аксиологическое содержание. Нечто или некто имеет для меня значение, поскольку затрагивает мои интересы. Они же имеют для меня смысл, если направлены на положительное решение моих устремлений, потребностей и т.п. С этой точки зрения релевантны и интерпретация оценочного содержания этих слов и И.М. Кобозевой [1, 303-307], и М.В. Никитиным [7, 400-401], выводы которых в отношении аксиологической стороны данных слов в целом совпадают. По их мнению, *значение* – «нецелевое» + «лишено оценочного знака», а *смысл* – «целевой» + «исключительно положительный».

В связи с этим возникает вопрос, насколько данные интерпретации пригодны не для отдельного индивидуума, а для социума в целом; иными словами, имеют ли они статус общих концептов сознания, имеющих соответственное языковое выражение. Например, *Государственная Дума* имеет для меня смысл лишь тогда, когда ее деятельность направлена на удовлетворение моих потребностей и чаяний. Но они могут не совпадать с решениями, принимаемыми Думой. Значение же Дума имеет для меня постоянно, поскольку принимает решения, которые я приветствую и одобряю, или, напротив, недоволен этими решениями и постановлениями, если они ущемляют мои интересы. Тем не менее, понимая, что в современных общественно-политических условиях анархия является худшим исходом, чем даже плохая (в общем, неконкретном смысле) власть, мое *Его принимает* деятельность законодательного или иного властного ор-

гана, но, возможно, не одобряет такую деятельность. Таким образом, термин *значение* по отношению к некой сущности, осознаваемой в качестве таковой большинством членов общества, становится размытой между признаками «принятие» и «одобрение».

Несомненно, существуют вещи, ценность которых непреходяща с объективной точки зрения. Это, например, *питание, отдых, природа, радость, счастье, удача, успех, здоровье, мир*, которые могут иметь конкретное выражение. Например, *отдых* может состоять во *сне, чтении, чередовании физической и интеллектуальной деятельности, зрелищных мероприятиях, путешествиях* и т.п. Однако даже на этом уровне объективных ценностей, к пониманию которых в таком качестве предполагает наша биологическая и социальная природа, возможны «разночтения» со стороны разных индивидов. Так, *радость* один индивид может испытывать от помощи другим людям, а другой, напротив, от осознания того, что ближнему еще хуже, нежели ему. Для большинства людей концепт *семья* в его первичном смысле ячейки общества является, несомненно, репрезентантом положительного смысла, в то время как убежденные холостяки видят в семье ущемление личной свободы. Для убежденного аскета (например, монаха) понятия *удовольствие, радость, наслаждение* являются отрицательными, для любителя экстрима в таком же качестве предстают *спокойствие, умиротворение*.

Казалось бы, проще всего свести понятие *значение*, а вслед за ним и понятие *смысл*, к индивидуальной картине мира. Однако при этом не следует упускать из виду упомянутую выше динамику самосознания человека, когда в силу тех или иных причин с ходом времени его настроения, установки, мировоззрение в целом могут смениться радикально противоположными. Кроме того, немаловажным фактором формирования оценочных взглядов является и возможность применения к одному и тому же явлению различных оснований оценки. Поэтому по большому счету можно утверждать, что ценности являются относительными, хотя и формируются объективно как вектор «броуновского движения» мыслей и настроений как внутри социума, так и внутри индивида. Хотя они и обусловлены биологически, социально и исторически, они могут меняться не только в связи с личностными факторами, но и с общей обстановкой в природе и обществе. Очевидно, именно по этой причине всякая ценностная система имеет свой антипод; так, в противовес экономике существует теневая экономика, в противовес законам – «понятия» и т.п. Это позволяет предположить, что в системе *значения* как объективной аксиологической данности для каждого конкретного индивида существуют корреляции ценностей и антиценностей. Именно по этой причине логический аксиологический анализ принципиально несводим к закреплению ценностного опыта за определенными вещами. В противовес *объекту оценки* всегда существ-

вует ее *субъект*, даже если он не имеет экспликации в речевых высказываниях типа *Есть яблоки полезно* или *Он считается хорошим специалистом*.

В целом, в логическом плане нетрудно провести взаимосвязь между *значением* и *смыслом*. Деятельность имеет смысл, если она совпадает с интересами субъекта оценки, и тем самым она имеет для него значение. Она имеет для него значение и в том случае, если она противоположна его интересам. Но если деятельность остается вне пределов интересов этого лица, то она не имеет *для него* значения. В то же время она может иметь осознаваемое значение для группы или для отдельных лиц, отличных от данного субъекта оценки, и даже объективно иметь значение для него самого, если он не осознает значимости, важности данной деятельности, или вещи или лиц(а), занятых в данной деятельности, в своей жизни. Таким образом, значение чего-либо или кого-либо для данного индивида является тем семантическим фоном, на котором формируются его оценочные суждения и умозаключения при условии, что данный вид деятельности имеет непосредственное или опосредованное отношение к общему благополучию (физическому, душевному и духовному) данного субъекта.

В языке эти противоречия преодолеваются достаточно легко. Это происходит за счет логического отрицания всего, что не является положительным для данного субъекта оценки, как отрицания, выраженного средствами языка. Тем самым антиценность как характеристика значения становится вещью, *не имеющей смысла* для данного субъекта оценки.

В то же время, обязательной является и обратная связь. Интерес может появиться только к вещи, имеющей значение для субъекта познания. Однако это уже вторичный интерес. Это интерес аксиологический, возникающий в результате мотивированного познавательным интересом осознания вещи как таковой. Иными словами, вопрос «Какая это вещь?» может возникнуть лишь после вопроса «Что это за вещь? К какому роду вещи ее можно отнести?». Но, в любом случае, и интерес к вещи, и ее значение находятся в поле определенной деятельности как неперемного условия формирования и интереса, и значения. Это позволяет предположить, что деятельность является методологическим основанием формирования и интереса, и значения.

Поскольку интерес и значение, как было показано выше, лежат в основе формирования оценки в сознании и в языке, представляется важным рассмотрение категории деятельности как некой объективно обусловленной основы формирования ценности и оценки, носящей характер методологической базы формирования категорий ценности или оценки.

В то же время оценка также является специфическим видом деятельности. Это означает, что оценка как феномен сознания и языка, в свою

очередь, является важной стороной философской категории деятельности, поскольку если одна сущность формирует другую, но при этом вторая сущность является разновидностью первой, то это может только означать, что между ними существует прямая диалектическая зависимость, в результате которой определяются важные черты как первой, так и второй. Это означает, что оценка, а через нее и ценность, также являются важнейшими составляющими понимания деятельности как сложного феномена философско-методологического плана

Таким образом, для того, чтобы определить роль и сущность ценности и оценки в составе деятельности как универсальной категории бытия и сознания, необходимо, во-первых, установить степень их общности и отдельности как явлений деятельностного ума, а, во-вторых, определить их место в системе разумного интеллекта. Как представляется, и ценность, и оценка входят в единую парадигму познания мира, а значение, смысл и интерес к оценочной квалификации определенного объекта реальности и сознания являются теми основными содержательными звеньями, которые позволяют говорить о возможности структурирования ценности и оценки в сознании и языке.

Литература

1. Кобозева, И. М. Две инстанции содержания речи: значение и смысл // *Язык о языке* : сб. ст. / под общ. ред. И.Д.Арутюновой. – М., 2000. – С. 303 -359.
2. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи : что категории языка говорят о мышлении; пер с англ. И.Б.Шатуновского. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – 792 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
3. Болдырев, П. Н. Когнитивный подход к изучению глагола и глагольных категорий // *Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания* : материалы Круглого стола, апрель 2000 г. / РАН, Ин-т языкознания. – М., 2000. – С. 16-35.
4. Болдырев, П. Н. Значение и смысл с когнитивной точки зрения и проблема многозначности // *Когнитивная семантика* : материалы Второй Междунар. шк.-семинара по когнитивной лингвистике, 11-14 сент. 2000 г. : в 2 ч. / Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2000. – Ч. 1. – С. 11-17.
5. *Краткий словарь когнитивных терминов* / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Изд-во Моск. ун-та. – 245 с.
6. Попова, З.Д., Стернин И.А. *Очерки по когнитивной лингвистике*. – 2-е изд. стер. – Воронеж: Истоки, 2002. – 191 с.
7. Никитин, М. В. *Курс лингвистической семантики* : учеб. пособие – СПб. : Науч. центр проблем диалога, 1996. – 760 с.